

Арина Журавлёва

Мой вагон с концентратом радости

Держит солнце меня жёлто-жгучими цепкими пальцами,
Выгорает макушка, нос шелушится, лоб...
Я себя ощущаю не вышивкой, больше – пальцами,
Телу – жарко, внутри же – сквозняк, озноб.
Мой вагон с контрабандной нелепой неведомой Радостью,
С самым соком её, концентратом – слетает с рельс.
Уцелевшее, с малодушной расчётливой святостью,
Поделили все те, кто пережил этот рейс.
...И вешу на лучах, обжигающих, неоправданных,
Словно кукла на нитях; не льются, но сохнут слёзы.
Я смотрела в сети: там в табличках погодных марлевых
На текущую жизнь – только солнечные прогнозы...
И в причудливой позе на душном перроне, пахнущем
Расплавляющимся асфальтом и чебуреками,
Я останусь, похоже, на Радость всем Важным и Знающим,
Сухарями-словами хрустеть, стихами – калекками...

Взмокли сугробов глазки

Больше не стану петь.
Рта не открою больше!
Нынче не мне звенеть,
Глаже, ровнее, тоньше...
Мартовской ночи снег –
Зимней прощание сказки;
Ровный точёный след,
Взмокли сугробов глазки.
Нежная грусть, тепло:
Тело умно оделось.
И как нас с тобой светло!?
Просто когда-то пелось...

Гравием незаасфальтированным

Алине Д.

Было бы мне перед кем тебя выгораживать, кого огорошивать, потрошить, обезвоживать, был бы тот, кто посмел тебя расхолаживать, кто до срока посмел тебя подытоживать. Был бы! Нет – ни злодеев, ни кучеров. Тех, что гнали б тебя, ошпаривали, в спину тыкали бы и мучили, оступиться и пасть заставили.

Нет их, милая, драгоценная, – я с ножом их искала, кликала, я бы им отомстила, моя бесценная, и из жизни твоей их выкинув, подала б тебе руку белую, подняла б тебя на ноги и поставила, бережно б – вечность целую, и плевать на законы-правила.

...Ты сама, с головою светлую и пшеничным волосом, нежным голосом надломилась хрупкой веткою, недозревшим и юным колосом... Просыпайся! Смотри и радуйся, и не слушай, не слушай себя, проказницу... как-нибудь всё срастётся, сладится, будет, будет! а как? – без разницы.

Я, хромая сама на треть души, рядом буду, не плачь только! слышишь ли? Мы ведь обе с тобой до соплей хороши, мы друг друга за косы вытащим. И пойдём брести по извилинам в этом мире нескладном и вычурном. Гравием лежим незаасфальтированным, тестом зреем, ещё не выпеченным. Значит, можно ещё укатить колобком, отскочить от колёс и умчать, умчать... Можно боль содрать порванным чулком, и идти – стройным и каблучком стучать.

100

Та ли я? (неузнанная)

Лучик закатный искрится и множится,
Солнце свою будто сбросило кожицу.
В снах его тонкая женская талия...
В запахе пряном проснулась Италия...
Та ли я? Эта ли? В зеркале лужи
Кажутся лица бледнее и уже...
Уже Вы, наверно, и помнить не помните
Бликов, что кротко бродили по комнате...
Полноте! Гостем, незванным, непрошеным,
Муза ушла, подложив Вам горошину...
Спать Вам спокойно, нетрезвому, голому,
Небрежно склонив сумасшедшую голову...
Сны беспокойные, вяло-короткие,
Тикают часики – скромные, кроткие...
Ловкие лучики будят Италию...
Лужи-попутчики... Эта ли? Та ли я??...

Фото
Олега
Тихонова

Обязательство

Ловите моё спасибо,
Смешные мои Бонифации*,
Тут уж либо-либо:
Овощи в лицо ли, овации.
Клеймите, кому захочется:
Банальна, пустая лирика.
Иные в стакан помочатся,
Мои просвящённые клирики...
Я вам со своим спасибо
Гордыню не шлю, не думайте –
Всего лишь смирение, ибо
Я сама себе худший слушатель.
А вы у меня – любимые,
Вы сама у меня пронизательность,
Вы мои не мои, но мнимые,
Мой читатель – моё обязательство.

Арина Журавлёва
родилась (1989)
в Альметьевске.
Стихи начала
писать с 14 лет.
Студентка-заочница
факультета
журналистики
и социологии
Казанского
федерального
университета.
Лауреат конкурса
«Галактика любви»
(Казань, 2012).
Публикуемая
подборка стихов
является первым её
«полнометражным»
выходом
к широкой
читательской
аудитории

---

* Бонифаций – «хорошая судьба» (лат.) – в детстве послушный ребёнок, хотя в его темпераменте проявляются упрямство и принципиальность.

Пути кошачьи неисповедимы

Мне часто кажется, что Бог похож на кошку,
Гуляет по мирам – сам по себе,
Бывал везде – чуть-чуть, да понемножку,
Всё мелом пишет книгу о Судьбе...
Глядит на нас и давится зевотой –
Мы так скучны, банальны, малодушны;
Но Он нас любит, как чужак – работу.
Мы дети для Него, мы непослушны...
Мы мним себя хозяевами кошки,
И мним, что знаем Бога наизусть...
Для кошки эта глупость – блеф и пошлость,
А Бог на то шепнёт устало: «Пусть...»
Мы глотки рвём, мол, мы непобедимы,
Рисуемся – в матрёшки хохлому...
Пути кошачьи неисповедимы.
Пути Господни – нам не по уму.

Дверцы-ставенки

Режет глаз и свербит червоточина,
Речь спокойна, стройна, отточена;
Целовать бы глаза зелёные...
Так чужие...в Неё влюблённые...
Закрываются дверцы-ставенки,
Ты ж мужчина! Чего как маленький?!
Нет – так нет, что ж вокруг да около?!
Рви давай! Я потом заштопаю...
Только хватит тянуть за ниточки,
Я не девочка и не выпечка.
Пересолены встречи-весточки...
По заплате я вышью крестиком:
Был – прошёл, как трамвай неузнанный,
Был хорош, только необузданный.
Был – спасибо, а вышел, так бог с тобой...
Я сожгу стихи да залью водой...
Лишь одно говорю-советую –
Будет боль и тебе ответами...
Ты ищи себя в лицах девичьих!
Но они не спасут от немощи...
Ты ж мужчина... А всё как маленький –
На засов давай дверцы-ставенки...

* * *

Всё, что в руки твои заплывёт баттерфляем,
 Загребай и не смей даже глазом моргнуть!
 Всё останется так. Мы актёры. Играем,
 Пресловуто играем написанный путь.
 Чуешь тридцать монеток? – как тянут карман!
 Серебром расплатиться за наглую правду.
 Экс-любовник, экс-мачо, когда-то – султан,
 Нынче просишь на хлеб и транжиришь зарплату.
 И корону сменив на бандану и дреды,
 Ты на мыльницу фоткаешь свой Петергоф,
 Сотрясается воздух: вопросы, ответы,
 Лишь в хароновой лодке поймёшь – не готов!
 Нечем плату отдать старику за покой,
 Он ворчлив и прокурен, и пьян, как собака...
 Театр окончен. Роль сыграна. Кто-то другой
 Прошагает твой путь. До последнего шага.

103

Ох, Мам!..

«Выведи», – говорила, – «выведи!
 Хоть не стою яйца выеденного!
 Высвободи, выруби из меня эту чёртову выбоину
 Фантастически пошлого самообмана...
 Помоги мне, мама».
 Мамам такого не говорят,
 Маму же надо беречь,
 Сон её псом стеречь.
 Мама а то заплачет, станет маленькой и беззащитной
 В своём единственном «Не перечь!»,
 За Маму обидно,
 Больше, чем перед собой, перед Мамой – стыдно.
 Нет... Маму нужно беречь.
 И ведь не об этом речь!
 Врежь!
 Да не имя моё пошлой наколкой где-нибудь,
 По лицу мне врежь!
 Может, появится брешь,
 И через щель эту выйдет что-нибудь,
 Или вовнутрь войдёт хоть что-то?..
 Больно ли? Бог с тобой, что ты?..
 Радостно до икоты,
 До немоты,
 До рвоты,
 Все мои повороты,
 Вороты, привороты,
 Выверты...
 Игрища, что ты, что ты...
 Игрища да пепелища.

На блудную дочь не тяну.
На женскую глубину?
На воющую струну,
Баюкающую вину...
Худо-бедно.
Подобием бледным.
На дочь-то тяну едва ли.
Когда меня так сковали?
Свернули в нули-спирали,
Сварили,
Заспиртовали.
Взрослея, мы так устали,
Что сил не осталось жить.
Едва ли тяну, едва ли...
Себя в нафталин. Сложить.
Остались бы все свежи.
Нет, слова узор вяжи!
Устраивай виражи,
Строке в кулаке служи!
До дрожи,
До дна,
До лжи.
Ищи.
Ох, Мам...
Что ж так тяжело нам?
По чьим мы пошли стопам?
Вот именно, по слезам,
По вашим живым
Слезам.
Прости нас, Мам...

* * *

Ты качаешь луну, как дитя, в колыбели квартала,
Ты оставил на полке неровные строчки стихов,
Ты оставил меня и забыл, только этого мало,
Чтобы жизнь перестала кидаться отсутствием слов.

Вот унылый трамвай, словно кот, потянулся устало,
Зная то, что на клавишах крыш дождь играет романс...
Промокают надежды и знаешь, наверное, снова
Лето в звоне листвы... уплывает от нас...

Буратино

Глядеть на часы – наткаться на стрелки.
 До точности точек. Всё допустимо.
 Попытки зажмуриться – жалки и мелки...
 Ты туп, как бревно, дорогой Буратино!
 Запаянным в лампочку тусклым огнём,
 До рези в глазах озаряющим кухню,
 Пишу по живому – о милом, о Нём,
 И в тиканье ровном строка моя ухнет...
 Совиная – ночью рождённая, в муках,
 Как первый ребёнок – бела и чиста...
 Я Вам отдаю её – Вам на поруки!
 Какая понравилась: эта иль та?
 ...Олифой покрой своего Буратино,
 А после намажь его лакомым лаком –
 Пусть не поумнеет, так будет красивым,
 Олифь ему нос, да с особенным вкусом!
 А стрелки всё колют, и лампочка бьётся,
 Сгорел Буратино – сажа да уголь...
 И детская сказка вот-вот допоётся,
 Ты спой мне ещё и не ставь меня в угол...

105

Время

Слишком Вас много... ужимки, стать,
 Кратеры воспоминаний...
 Только забуду, а Вы опять...
 Почвой моих стенаний.
 Вы опоздали, я Вся – не Вам.
 Нет, не грущу, не плачусь.
 Я Его глажу по волосам,
 И не хочу иначе.
 С Вами мне больно, Вы мой фантом,
 Блёклый уже, остывший...
 Пусть так и будет, решим на том.
 Время... скользило... Вышло.

